1

отшельник и его собеседники

денис берест

Riga
2025

Денис Берест

Отшельник
и
его собеседники

ПЕРВЫЙ СБОРНИК
СТИХОТВОРЕНИЙ

Riga
2025

UDK 821.161.1-1(474.3)
Б484

Денис Берест
Отшельник и его собеседники: Сборник стихотворений.
Riga: Salana Art, 2025. – 140с.

ISBN 978-9934-589-23-2

© Денис Берест, 2025

Содержание

I. жить в хижине _ 5

жить в хижине _7 жизнь _8 два способа начать стихотворение _9 изгородь _10 постоянство природы _11 жизнь лошади _12 замки безумного короля _13 косуля _14 не поле перейти _15 непоправимо _16 раненый _17 время _19 в тумане _20 дорога в долине _21 гранильщик _22 рассвет над озером _23 стихи на обочине _24 похвала поэту _26 антиподы _27 слова и дела _28 отшельник _29 бездельник _30 Буковски _31 вино и олово _33 поэзия эпохи Тан _34 лотос _35 в неизвестной стране _36 страна сирени _38 утешение китайских поэтов _39 руины _40 силуэты _41 имена _42 на смотровой площадке _43 райские кущи _44 лебединые игры _45 сгоревшая жизнь _46 принять себя _47 жить на окраине _48 неприсоединившийся _49 песни жизни _51 песни прохладных комнат _52

II. собеседники, компаньоны _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ 53

пианист _55 бесплатный кофе _58 памятник Набокову перед отелем Монтрё-Палас _60 в Цюрихе с Джойсом _62 собеседники, компаньоны _64 закат над Лозанной _68 променад _69 день и ночь _71 Т. С. Элиоту _73 дзен-карнавал _75 мир танцует _76 пустота _77 в Китайском саду _78 вилла Везендонк _80 поэт в китайском пейзаже _82

III. ты родился не здесь _ 87

ты родился не здесь _89 рожденный в Лозанне _92 открытый мир _93 Шильонский замок в полдень _95 Шильонский замок вечером _96 сбежавший узник _97 безмятежность _98 всего лишь сквозняк _99 Хименесу _100 иллюзия родины _101 вселенная по соседству _103 прогулка на кладбище _105

салон-усыпальница _107 Дент-де-Жаман _108
увидеть во сне _109 проснуться в Лозанне _111 там за
океаном _112 июль в Лозанне _113 рай для сурков _114
с видом на горы _116 в том же городе _117 граница _118
ничего слишком _119 ливень на Ратушной площади _120

IV. сказки о солнечном городе _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ 121

сказки о солнечном городе _123 признаки ранней зимы _125
иллюзия сентября _126 заводь _128 небесная серна _129
вопрос рыбаку _130 довольный путешественник _131
городской человек _133 что-то дельное _135
четверостишие _136 осень начинается _137 стихи _138
песнь о Лозанне _139

I

ЖИТЬ В ХИЖИНЕ

жить в хижине

жить в хижине
ввиду красивой горы
есть рис пить саке
играть на дудочке
бодрствовать ночью
глядя на звезды
бродить по лесным
тропинкам
писать стихи
что еще нужно
тому кто
никогда не был
смешлив
разговорчив

ЖИЗНЬ

один миг
два шага пилигрима
три нити (они опасно тонки)
стихотворение в четыре строки

два способа
начать стихотворение

прыгнуть
вниз
головой
с трам
пли
на

лечь на темное
дно субмариной

изгородь

прятался за стихами
словно за изгородью

хотел чтобы прохожие
видели только изгородь
а не хижину

изгородь его
была всегда
аккуратно
подстрижена

постоянство природы

The boat of a million years,
boat of morning…
Gary Snyder

высятся горы
все так же
и реки текут
все так же
и водопады
рушатся
вниз
все так же
и древняя лодка
рассвета
все так же
выплывает
в урочный час

жизнь лошади

Добрая лошадь
Знает мою печаль…
Цао Чжи[1]

никогда не касавшийся лошади
не слышавший ее ржания
фырканья топота
не слышавший ее запаха
не нырявший взглядом
в омут ее зрачка
не вступавший ногой
в ее лепешки
никогда не чистивший
ее щеткой
никогда не сидевший
в седле
никогда
не путешествовавший
в повозке
что ты знаешь о жизни
лошади
и о жизни вообще

[1] Перевод Л. Черкасского

замки
безумного короля

высоко
на альпийских
горах
стоят замки
безумного короля

я тоже король
безумный (хотя
мне этого не
говорят)

моих замков
больше
чем вершин
в Альпах
звезд
во Вселенной

я живу во всех
этих замках
сразу
в каждом
одновременно

КОСУЛЯ

стройная темная

тонкие ноги
большие глаза

выходит
из кустов винограда

и исчезает
в других кустах

не поле перейти

ритм поймать не поле перейти
я в темной чаще
конец пути
не видно ни зги
ни шороха не слыхать
стих задыхаясь шепчет
не хочется умирать

непоправимо

слово
брошенное издалека

бьет
словно камень

калеча
пробивающуюся
к слову
мысль

раненый

Your wound, it's nothing special,
nothing special at all…
Kazuo Ishiguro

если ты живешь своей раной
говорит она
значит ты вообще
не живешь

если ты любишь свою рану
говорит она
значит ты никого
не любишь

если ты занят лишь тем что
бередишь свою рану
говорит она
ты празднуешь лентяя

оглянись говорит она
посмотри вокруг
ты увидишь
кровь повсюду

ты увидишь
бинтов не хватает
обезболивающие
в дефиците

ты живешь среди
раненых
и калек

время

поэзия должна упасть
в жизнь и вырасти из нее
как семя прорастает
из почвы

здесь и сейчас
вот их девиз

они пишут стихи
привязанные к мгновению
минуте

время их главный герой
оно их страшит
они восхищаются им
любят его
ненавидят

вне времени
есть только мысль
но они ей не доверяют

в тумане

когда-то он писал стихи
быстро и уверенно
будто открывал
консервную банку
острым
йейтсовским
ножом

пробивал крышку
и резал

давно это было

сейчас все иначе
ничего резкого четкого
слова появляются из тумана
и пропадают в тумане
слепые странники
бредущие в никуда

дорога в долине

горы по обе стороны
не так высоки чтобы
сузить обрезать небо

но к чему его широта
высота синева
его безмятежная
красота
тому кто слеп
у кого закрыты глаза

кто уснул на дороге

гранильщик

сделай так чтобы каждый
твой день был похож
на драгоценный камень
в узорной оправе

стань гранильщиком
шлифовщиком ювелиром

в этом неизвестном
туристам и географам
месте у горного озера
в неотмеченной
на картах стране
в одиночестве
в тишине
все может сбыться

рассвет над озером

слова потерянные в дороге
дороги затерянные в горах

горы затерянные между озер
озера затерянные между гор

потерянные дни и ночи
потери привычных мелочей

потеря всего

не будут считаться потерями
с этого дня
рассвета
занимающегося над озером
затерянным среди гор

стихи на обочине

хотел бы я быть одним из тех
бедных ученых
любителей складных речей
что живут одиноко
никому не известны
(но о которых все же пишет
китайский поэт
Тао Цинь
узнавший о них
из каких-то древних рассказов)

по правде
я и есть такой бедный
отшельник
любитель
хорошо подобранных слов
складной речи
живу одиноко
out of key with my time
как сказал бы поэт
которого я читаю
заодно с Тао Цинем

друзья мои книги
обычные
бумажные
с напечатанными словами
и новые электронные

из единиц и нулей

я люблю и те и другие
мне нравится
ровный
шум кулера
и тихий шелест страниц

бывает и сам я пишу стихи
и кажется иной раз
что выходит неплохо
но перечитав
через день-другой
вижу
что с теми поэтами
в бедности только
сравниться могу

похвала поэту

Тао Цинь хвалит вино
как верного друга в печали

а я хвалю Тао Циня
всегда у него найдется
чем любителя грустных
стихов угостить

антиподы

два антипода Снайдер и Целан
говорят что-то сходное
так будто у них одно
общее дело

слова и дела

простые слова и простые дела
чистые как ключевая вода

отшельник

я живу в маленьком домике
возле перевала
Дент-де-Жаман
без машины велосипеда
вместо них две ноги
на них я спускаюсь к озеру
возвращаюсь
могу пройти
по любой тропинке
вслепую
я знаю все скалы и все пути
по мне так лучшего места
не найти
тому кто хочет вести жизнь
неспешную и простую

бездельник

Тао Цинь застилает крышу травою
Буковски заправляет ленту
в свой пулемет
пишущую машинку
Элиот ставит подпись
на важном финансовом
документе
Китс пьет
Фолкнер пьет
Бротиган вставляет патрон в ружье

я думаю о них
и не делаю ничего

Буковски

он вылепил вырезал
необыкновенно
ясный четкий
образ себя самого

с ним трудно
тягаться

трудно
его превзойти
или с ним
поравняться

может быть потому
что образ его прост
и груб

как лица древних фигур
истуканов
на острове Пасхи

несмотря на
расплывшийся нос
и мягкую линию губ

все это
между собой связано

я открыл точное
как физические законы
соотношение

чем сложнее образ
тем он расплывчатее
мутнее

самые сложные
кажутся облаком
туманом

при этом в них есть
что-то от адаманта

ВИНО И ОЛОВО

среди поэтов мне нравится
Тао Цинь
а среди драматургов
Олби
я читаю их вместе
одного за другим
первый угощает
рисовой водкой
или вином
а второй льет в глотку
раскаленное олово

поэзия эпохи Тан

всегда под рукой
в кармане рюкзаке

давний друг
разговорчивый спутник

с ним удобно
бродить по миру

обмениваясь словами
стихами

начиная жизнь заново
каждый день

ЛОТОС

можно читать
Паунда Лоуэлла
Тао Циня
и жить свой жизнью

своя жизнь
все равно пробьется
словно лотос из-под воды

в неизвестной стране

человек начитанный образованный
человек культуры
или как сказал бы философ
цивилизации
проводит время в библиотеках
картинных галереях концертных залах

на литературных чтениях
уличных и музейных
перформансах
театральных премьерах
оперных марафонах
кинофестивалях
собраниях конференциях

но где бы он ни был
где бы ни было
его тело
мысленно он далеко
в неизвестной
не обозначенной
на карте
горной стране
у края светлого
узкого озера
среди трав
камней и воды

смотрит на вершины
в снегах облаках
прибрежные камни
мелкие волны
стебли трав
лепестки цветов
бабочек
и жуков
слушает голоса
птиц
шевелящихся трав
плещущейся воды
и что-то записывает
слова фразы
строчки

может быть он ничего
и не пишет

только шепчет слова

может быть он
их просто запоминает

страна сирени

безлюдный край населенный
стрекозами бабочками ящерицами
и другими пернатыми и травоядными
вроде зябликов и оленей

край наполненный ароматом сирени

край играющих красок
шелестящих плещущих звуков
яркого света
прохладной тени

край носивший в красивом
но сейчас уже мертвом языке
название Эдема

край который мне часто снится
о котором мне часто мечтается

край который кажется мне
иногда таким доступным
близким рукой подать

но в котором я знаю
мне никогда не бывать

утешение китайских поэтов

печальны стихи
китайских поэтов

всё о тоске
разлуке
одиночестве
старости
смерти

утешают лишь достойные
деяния предков
и надежда что дети
будут похожи
на них

руины

юркой ящерицей
время
прячется в щель
между
камнями

и смотрит
из темноты
пристально
нечеловеческими
глазами

силуэты

птица стоит на камне
подняв
длинный клюв
к вечернему небу

черный силуэт
на фоне заката

черный силуэт замка
черный силуэт парапета

на фоне заката
от существ и вещей
остаются лишь
черные силуэты

имена

имена имеют
не только вершины
но и перевалы долины

на смотровой площадке

по левую руку Шабле
и Женевское озеро
по правую
Кафедральный собор

пасмурный вечер
солнце еще не село
но облака и тучи
суживают
обзор

райские кущи

колокола в церквях
ударили разом
или почти
все сразу

но в остальном
эта минута
ничем не отличалась
от предыдущей

как и полагается
в райских
кущах

лебединые игры

лебедь преследует самку

та уходит под воду
пытаясь
от него избавиться

три секунды
четыре
пять
ни всплеска

наконец
она появляется

сгоревшая жизнь

закрой эту книгу
забудь о китайских поэтах

та жизнь прошла
и сгорела

сейчас другая горит

принять себя

ты должен наконец
принять себя таким
какой ты есть

принять свою старость
принять свою смерть

писать телом
а не вымышленной душой

неважно плохо напишется
или хорошо

жить на окраине

жить на окраине города
окраине жизни
в стороне от других
но в центре
собственной жизни
совершая редкие
вылазки рейды
а то и грабительские
набеги
чтобы потом
разобравшись
вернуть захваченное
убедившись что
проку в нем
никакого
что земля для него здесь
чужая
и сколько о нем
ни заботься
в рост оно не пойдет

неприсоединившийся

дзен учит
держать ум открытым

через эти ворота
поэзия входит в мир
через эти ворота
поэт входит в поэзию

и живет в ней так же
свободно как живет в
мире жизнью которую
уже не отличить
от стихов

поэт которого ты читаешь

есть и другие
идущие тем же путем

босые
бородатые
улыбающиеся

почему же ты
не присоединишься
к ним

почему
не отрастишь бороду
не скинешь обувь
не наденешь
простую одежду

почему в твоей душе
не звенит
колокольчик смеха

почему ты недоверчиво
стоишь в стороне

песни жизни

песни жизни
взгляда вкуса прикосновения
песни облака и земли
волны и ветра
гор и озер
цветов и деревьев
пусть поют их другие
с громким голосом
обветренной кожей
загорелые непоседливые
чувствующие
как пульсирует кровь
в молодых
сильных и гибких членах
как семя просится
вон из члена
принимающие жизнь
и дающие жизнь
сеющие жизнь
тут и там
в городах лесах и пустынях
опьяненные жизнью
своими и чужими голосами
песнями танцами
пусть поют и танцуют
я послушаю их
а потом закрою окна
и вернусь в прохладную тишину

песни прохладных комнат

песни
прохладных комнат
песни
настольных ламп
песни
книжных шкафов
песни
покойных кресел
диванов
песни
переворачиваемых
страниц
песни
прочитанных слов
и тех
что еще предстоит
прочесть

II

СОБЕСЕДНИКИ, КОМПАНЬОНЫ

пианист

словно телеграфист «Титаника»
отстукивающий последние
телеграммы
пианист играет
думая что концерт не удался
чувствуя как вязнут мысли
болит голова
и заплетаются пальцы
но слушатели видят и слышат другое
они восхищаются
капитаном искусно лавирующего
корабля
удивляясь поначалу необычной
интерпретации
они постепенно ее принимают
она нравится им все больше
и когда музыкант отнимает руки
от клавиатуры
айсберг тает
будто его не бывало
зал накрывает шквал аплодисментов

браво
овация

пианист встает кланяется уходит
выходит кланяется
садится за инструмент
играет бис
принимает цветы уходит
выходит кланяется
играет еще пару бисов
цветы много цветов
(будто на похоронах)
наконец в зале включают свет
слушатели расходятся

пианист уезжает в гостиницу один
притулившись
в левом углу салона
на заднем сиденье
черного «шевроле»

хмурый усталый
с больной головой

в ушах по-прежнему гул
то ли аплодисментов
то ли врывающейся
в трюм
воды

так или иначе это знак беды
так или иначе
это конец истории
шаг в пустоту

он не верит превращению
Северной Атлантики
в Средиземное море

он был на «Титанике»
и знает
что тот утонул

бесплатный кофе

цветочные часы в Женеве
показывали час
или немногим больше
палило солнце

небывалая жара
стояла по всему кантону
на улицах прохожим
не хватало тени

углубляясь в город
случайно я оказался
возле церкви Св. Мадлен
вошел

здесь было тихо
и прохладно
за столиком
у входа женщина

мне предложила
бесплатный кофе
маленький подарок
от Господа

пришелся кстати
хотя я в Господа не верил
кофе был отменный
я выпил чашку

разглядывая интерьер
пусть скромный
но приятный
здесь в сумрачной

прохладе
все было по-другому
чем там за дверью
где Гелиос

как бы нарочно
остановив бег колесницы
одаривал всех
щедро

немыслимой
жарой

памятник Набокову
перед отелем Монтрё-Палас

стул на котором сидит Набоков
опирается лишь на две точки
правый ботинок в воздухе
левый ребром подошвы
касается постамента
автор «Защиты Лужина»
и «Возвращения Чорба»
как будто подражает эквилибристу
с фотографии тридцатых годов сделанной
на крыше нью-йоркского небоскреба
поставив два стула один на другой
возле карниза
неизвестный смельчак
взобрался на верхний
и спокойно уселся
как это сделал писатель
так что две ножки стула
и обе ноги бесстрашного циркача
повисли в воздухе над Нью-Йорком
над крышами домов и ущельями улиц

не в этом ли суть владения словом
балансировать на грани ошибки
ловя момент равновесия
замерев неподвижно между
всеми другими
неправильными решениями

между крайностями выражения
обрывами безднами
словесными пропастями
и в каком-то смысле
между жизнью и смертью

в Цюрихе с Джойсом

я хотел обойти в Цюрихе
все дома
где жил автор «Улисса»
но многих уже нет
включая и тот
где он начал «Улисса»
и тот где он умер
но в порядке могила
скамья в порядке
и памятник
правда позеленевший
и в белых потеках
Джойс сидит на тумбе
нога за ногу
смотрит в сторону
не так как автор «Лолиты»
на стуле
перед отелем в Монтрё
или
Рэй Чарльз
за клавиатурой
перед тем же отелем
и все же с ирландцем
пусть и сидящим
в напряженной
неловкой
позе
и глядящим

куда-то вбок
можно поговорить
для того я думаю и устроен
этот скромный
огороженный
кустарником
уголок
нужно лишь не спешить
время есть
солнце еще в зените
на кладбище никого
такое чувство
что кроме нас двоих
вообще никого
на всем белом свете

собеседники, компаньоны

я прочел большую статью
об одиночестве пианиста

одиночество в репетиционной
одиночество на сцене
одиночество в номерах отелей
одиночество на вокзалах
одиночество в салоне автомобиля
одиночество в барах
одиночество на площадях и улицах

одиночество
сходное с одиночеством вратаря
в ожидании штрафного удара

плата за обладание даром

прочитав статью
об одиночестве пианиста
я почувствовал жалость к тем
кто выбирает
такую профессию
или кого она выбирает
как божество выбирает жертву

одиночество музыканта-солиста
едва ли не хуже смерти

но поразмыслив я понял что пианист
не так уж и одинок
он может исполнить
любое произведение
хотя бы в переложении
концерты Баха симфонии Гайдна
оперы Риттера
у него в друзьях все композиторы мира
даже те кто ничего не сочинил
для рояля
и каждого он может заставить
звучать
то есть что-то сказать
пригласить на беседу
как это делали когда-то поэты Китая
Мэн Хаожань
Ван Вэй
и другие

я их понимаю
со мной так тоже часто бывает
раскрываю файл
или книгу какого-нибудь поэта
обычно давно умершего
и читаю стих за стихом
то и дело подливая саке или виски
чувствуя как с каждой строкой
становлюсь ближе к нему
или он ко мне

да он уже близко
рядом
в соседнем кресле

Тао Цянь
Басё
Унгаретти
Хименес
Блэкберн

***

китайские поэты
частые гости в моей хижине
их имена обычно укладываются в ямб
но Тао Юаньмин
из собеседников самый желанный
никак не встраивается даже
в свободный ритм
не знаю что делать с ним
может быть забыть его первое имя
и вспомнить второе
Тао Цянь
так написано в Википедии
с таким трехсложным именем
управиться будет легче
оно подойдет под анапест
хотя я чувствую и с этим будут проблемы
жаль конечно расставаться с первым
Юаньмин мне нравится больше
такое поэтичное по звучанию имя
но Тао Цянь попадет в один ряд
с Ван Вэем
Ду Фу
Ли Бо
и Мэн Цзяо
вместе с ними будет он пить вино
за моим столом

и читать стихи
написанные недавно
или давно
неважно
утешая того
кто лишь пьянствует
в компании старых поэтов
но сам пишет мало
а если и пишет
то не так хорошо
чтобы этим гордиться
не так хорошо
чтобы этим
можно было кого-то утешить
не так хорошо
чтобы эти стихи
можно было за чашей вина
другим поэтам прочесть

закат над Лозанной

лебеди дремлют
тихо дрейфуя

есть ли течение в озере
или река исчезает
в устье
неподалеку от Порт-Вале

и появляется вновь
на другом конце озера
у причалов Женевы
и не тревожит
своим течением
лебедей

что дремлют
спрятав голову
в свои же перья

тогда как солнце
замершее
над Лозанной
бросает
через дымку
последние лучи
на золотой Шильон

променад

гуляя в Лозанне по набережной Уши
чувствуешь себя так
будто вокруг
ни души
хотя отдыхающих здесь
конечно немало
но они тебя ничуть не стесняют
и это добавляет прелести
погоде пейзажу
всему что тебя окружает

Помпея расположена далеко от Лозанны
но недалеко от залива
где так же блестели волны
и люди прогуливались
вдоль берега неторопливо
свежим вечером
а то и жарким полуднем
благодарные свету
воде и земле
не думая об огне

в такой день забываешь
о стихии огня
о конце Помпеи
и неизбежности своего конца

то что тебя ожидает

представляется будущим
таким же далеким
как и прошлое
в котором погибла Помпея

о ней ты конечно не вспоминаешь а
думая какой-то частью
души или ума
о шагах
что тебе осталось пройти
до конца
не лозаннского променада
а жизненного пути
воображаешь будущее
чем-то
вроде этой прогулки
как будто она
нескончаема
и в ней будут меняться
лишь названия
улиц площадей переулков

кончится одна набережная
начнется другая

Помпея (Πομπήϊα) – допустимая древнегреческая форма названия города.

день и ночь

Time and the bell have buried the day…
T. S. Eliot

ночь уступает место дню
день ночи
играя в чехарду
день умирает понарошку
и так же ночь

обычно
то что потеряло место
вернуть его уже не может
кто выселен
остался без жилья
не на день или месяц
навсегда

ничто не возвращается
как было
а значит что-то исчезает
безвозвратно
подсолнечник цветет
за годом год
цветами схожими
и все-таки другими
и рыба в глотке зимородка
иная всякий раз
и сам король-рыбак

не остается прежним

подобие нас вводит в заблуждение
иллюзия устойчивости
продолжения
владеет нами
до последнего мгновения
которое не кажется последним

Т. С. Элиоту

число фотонов во Вселенной
так велико что
для воображения это всего лишь цифра
четыре с восьмьюдесятью четырьмя нулями
прибавить здесь десяток знаков
или наоборот убрать
значения не имеет для воображения
лишь ум великий счетчик
способен извлечь
из этой цифры что-то
по крайней мере
в гипотетических расчетах
и уловить различие в числе нулей
однако это может и машина
не знающая что такое смысл
дух ищет смысла вне расчетов
и для него сияние Вселенной
подобно мрачной бездне
куда он погружается
пытаясь осознать
имеет ли какой-то смысл
это число
несоразмерное воображению
единица
с восьмьюдесятью четырьмя нулями
умноженная на четыре
непостижимо
числовой Мальстрем

воронка черная
такая тьма представится и глазу
взглянувшему из пустоты
с далекой трансурановой орбиты
в любую сторону
в отсутствие помех
производимых атмосферой
и вдали от Солнца

мы тьмой окружены
так было и так будет
усилия физиков и астрономов
нам света не добудут
подсолнечник быть может
знает больше
или вьюнок
крылатый рыболов
так думали поэты
не доверявшие рассудку
но грезы их сейчас
пожухли рассыпались
как рассыпаются сухие лепестки
завянувших цветов

исконный мрак нас окружает
и только человек печалится о нем
исконно безутешен

дзен-карнавал

открыть свой ум
резким движением
будто распахиваешь окно
и увидеть столпотворение
фестиваль
карнавал
дефиле
вещей и людей
скал озер
облаков
цветов птиц
рыб ящериц
львов
дельфинов
и понять что это
не больше чем иллюзия
балаган
цирк шапито
представление
миллионов
марионеток
размалеванный задник
уходящие к горизонту
подмостки
и куклы
за которыми
прячется
пустота

мир танцует

ты живешь
в растерянности перед собой

мир существует
    из страха перед пустотой

рыбы пляшут
на раскаленной жаровне

мир танцует
всё в норме

пустота

если в основе всего
пустота
то я родственник
этой пустоты
ее порождение
часть
кто знает
может быть
ее сердцевина

в Китайском саду

в Китайском саду
я прошел через грот
потом по камням
уложенным в водоеме
где шевелила плавниками
большая красная рыба
заглянул в беседку
рассмотрел драконов
на павильоне
до закрытия оставалось
четверть часа
но я не спешил
и правильно
потому что у выхода
мне встретились
новые посетители
как видно кассир
единственный служащий
в Китайском саду
был готов поработать
лишние пять-десять
минут
он любил свое дело
любил этот сад
расположенный возле
многоэтажного дома
чьи окна выходили на
грот водоем

беседки и павильон
так что его обитатели
могли гулять
по саду бесплатно
взглядом
призывая где надо
на помощь
воображение
чтобы увидеть
постройки
камни деревья
с разных сторон
в утреннем или дневном
освещении
а поздним вечером
забыв тревоги
вновь прогуляться по саду
не взглядом
памятью
перед тем как божество
из другой
мифологии
уведет их
в глубокий сон

вилла Везендонк

парк окружающий виллу Вагнер
(оговорка
правильно «виллу Везендонк»)
широк живописен
и вообще очень славный

если смотреть со стороны запада
то на востоке за виллой будет дом
где жил Вагнер
и где он бросив «Зигфрида»
начал «Тристана и Изольду»
сочинив заодно «Пять песен
для женского голоса
и фортепиано» на стихи Матильды Везендонк

приятно бродить по аллеям где
говоря поэтически
звучали шаги великого композитора
его жены и его подруги
смотреть на виллу
под тем же возможно углом
под которым и он не раз ее видел
подниматься теми же лестницами
проходить теми же
залами видеть тот же рояль
или его двойника-современника
словом приятно все что приобщает к истории
которая явственно ощущается

в подобных местах
и кажется исполненной глубокого
пусть и неясного смысла
что бы ни говорили скептики
и позитивисты

«эффект истории» однако длится недолго
и сохранить его не помогают
ни записки ни снимки
смысл улавливается не умом а чувством
но любое чувство остывает слабеет
прожив день-другой на привычном месте
начинаешь вновь думать что «Тристан»
и «Пять песен» ничуть не важнее
чем шум листьев в аллеях цюрихского
и любого другого парка
и что древние статуэтки музея Ритберга
располагающегося в помещениях виллы
старых и новых
значат не больше чем речной песок
придорожные валуны
и прибрежная
галька

поэт в китайском пейзаже

на обложке сборника стихотворений
китайских поэтов
нарисован горный пейзаж
водопад
высокие скалы
поросль редких деревьев
черных
как будто голых
тянущих искривленные ветви
к серому небу

можно подумать
что пейзаж этот зимний
но однажды в горах
я видел белые пятна и ленты
на склонах
в ложбинах
как будто остатки снега
посреди жаркого лета
на самом деле
так отсвечивала порода
между травой
беловато-серые камни
блестели на ярком солнце

кто знает может и здесь
в черно-белом ландшафте
снег только чудится

и деревья не голы
может быть
так нарисована хвоя
может быть это сосны

вдоль реки или озера
(понять непросто
если бы не каскад
воду можно и не заметить)
идет путник
в длинной белой одежде
в правой руке
он несет тонкий посох
следом за ним человек
меньше ростом
с палкой через плечо
на ней висит узелок
или что-то еще
разобрать нелегко
рисунок бледный
нечеткий

скорее всего
человек высокого роста
это поэт живущий уединенно
он отправился в путь
навестить другого поэта
такого же нелюдима
или решил пройтись
вдоль реки по ущелью
посмотреть на скалы и водопад
вид у него гордый
как прямо он держит спину

следом за господином
идет слуга или что вероятнее
ведь поэт небогат
его ученик
он несет в узелке
тушечницу и бумагу
на случай если учителю
придет в голову
что-нибудь написать
однако
принадлежности для письма
складывали тогда
как будто в особый ящик
поэтому в узелке
что-то другое
например вино и еда
или все вместе и снедь и ящик

самое замечательное в этой картине
что пятна и линии на склонах
как будто соединяются
в человеческие фигуры
куда ни посмотришь
везде мерещатся люди
какие-то сцены
а большая скала
по ту сторону озера
похожа на череп
с пустыми глазницами
обвалившимся носом
оскаленными зубами

только тут понимаешь
откуда пошло выражение

скалить зубы
в результате пейзаж
начинает казаться
жутким
и напоминает
дюреровскую гравюру
«Рыцарь, Дьявол и Смерть»
где тоже изображены горы
голые и высокие
похожие на предсмертный бред

впрочем возможно
череп мне только мнится
как и спрятанные
в переплетении линий фигуры
возможно я их выдумал
но вместе с путником
эти видения составляют
мне кажется
превосходное целое
изображая
место занимаемое поэзией
и поэтом
в пейзаже китайской
да и всей мировой культуры

потому что
где бы ни жил стихотворец
реально
в многоквартирном доме
особняке отеле
в столице на хуторе
может быть даже
на уединенном острове

ему принадлежащем
это неважно
как и то на чем
он записывает строчки
на бумаге дощечке берёсте
или на телефонном экране
не имеет значения также
домосед он или любитель
пеших прогулок
знает он лишь свой квартал
или все переулки в округе

кем бы ни был поэт с виду
по сути
он странник направляющийся
неизвестно куда
по тропинке
затерянной между скал
с кривыми соснами
на крутых уступах
где мерещатся призраки
где к вершинам причаливают
серые облака
где тихо и мерно журчит вода
и смерть в вышине скалит белые зубы

III

ТЫ РОДИЛСЯ НЕ ЗДЕСЬ

ты родился не здесь

I have wasted my life.
James Wright

представь что
ты родился не здесь а в далекой Лозанне
и детство твое прошло в уютном
швейцарском доме
на берегу Женевского озера
каждый день ты видел высокие горы
французские Альпы
и жизнь твоя походила на волшебную оперу

а потом благодаря (или не благодаря)
нелепой случайности
злой (или до странности безразличной)
судьбе
ты оказался в краю равнинном холодном
без гор и солнца
будто в какой-то странной игре

где реальность и вымысел
поменялись местами
на скучной равнине
под скучными небесами

ты живешь здесь уже давно
без света красок
озерного блеска

горных зубцов
ничего не меняется
годы медленно тянутся
жизнь твоя напоминает
не роскошную оперу
а люмьеровское кино

нет у тебя ни собаки ни кошки
ни канарейки ни попугая
отражение в зеркале тебя пугает

ты проводишь долгие вечера за бокалом вина
слушая музыку
читая романы
сожалея о том что жизнь прошла
и прошла напрасно

ты уверен ты знаешь что все позади
ждать больше нечего
спектакль окончен

но представь свое вымышленное прошлое
в мелочах
в подробностях
как можно отчетливее

представь так ясно будто видишь вживую
старинный город
озеро
Альпы на другом берегу
пальмы цветники променад

тогда если получится
воспоминание о Лозанне

останется с тобой
навсегда
словно оазис в снегах
залитый солнцем остров
посреди холодного моря

ты сможешь брать у него
когда пожелаешь
тепло
свет и краски

радость рассвета

чувство свободы

рожденный в Лозанне

я помню яркое солнце
над озером
и прозрачную воду
и высокие горы
снег
на вершинах
цветы кипарисы
пальмы
платаны

как правоверный
помнит
строки Корана

Название стихотворения является и его первой строкой.

открытый мир

в Лозаннской гавани
на прогулочном пирсе
установлена скульптура
«Увертюра мира»
может быть правильнее
называть ее
«Открытие мира»

с французским у меня проблемы

прямо напротив «Открытия мира»
Эвиан-ле-Бен
немного правее
Тонон-ле-Бен
за ними горы
массив Шабле

я никогда не бывал на том берегу
и никогда не хотел узнать
что там
за горами

родившегося в Лозанне
в чужие края
не очень-то тянет
волны озера Леман
для него прекраснее
волн Индийского океана

и горные пики для него
не препятствие
а предмет созерцания

тем и хороша Лозанна
что здесь можно быть
отшельником
не отстраняясь от окружающего
в этом волшебном месте
мир изначально открыт для глаза
и сердца

ни о чем другом не мечтаешь
никуда не стремишься
не покупаешь визы
не пересекаешь границы
слушаешь музыку
читаешь книги
поглядывая на горы
озеро лебедей
живешь в довольстве
собой и миром
не сердишься на погоду
не раздражаешься
на людей

пусть ты плохо знаешь язык
и затрудняешься
в переводе названия
но ты живешь в точке
где перемещение
не отличается от покоя
знание наречия
от его незнания

Шильонский замок в полдень

праздный турист
я иду к Шильонскому замку
по набережной
украшенной цветами деревьями
арт-изделиями
прохожу мимо инсталляций
скамеек
вдоль озера с этой и гор
с другой стороны

замок еще не виден
он скрывается за выступом берега
и когда я его увижу
он покажется крохотным
маленьким
ничего романтического
легендарного

может быть потому
что сейчас полдень
жаркий
безоблачный
много солнца
и прийти сюда
стоило вечером
ночью
чтобы увидеть замок
в бледном свете
луны

Шильонский замок вечером

солнце скрылось за башней
но еще освещало Шабле
и Бернские Альпы
в районе Эгля
два парня и две девицы
сидели
на парапете
тихо разговаривали
что-то пили

неподалеку бродил
призрак Байрона

в небе плыли редкие облака
в озере неподвижно
дремали лебеди

я был спокоен как никогда
смотрел на озеро
на темный силуэт замка

и говорил себе
запомни этот чудесный вечер

сбежавший узник

солнце спускалось за горизонт
позади Шильонского замка
скрытое башней
слева от башни
блестела вода
над водой темнели французские
Альпы
стоя у парапета
глядя на озеро
в закатном свете
я чувствовал себя узником
никому неизвестным
никем не воспетым
но довольным и тем что
сбежал из прошлого
в настоящее

безмятежность

отыскав это место его уже не забудешь
полынья что не замерзает
пруд в лесу
никогда не затягивающийся ряской
вершина никогда
не скрывающаяся в тумане

образы для сравнения
удобнее брать из идиллии пасторали
так будет правильно
потому что здесь в этой широкой
долине залитой солнцем
окруженной горами
и ледниками
приютившей глубокое чистое озеро
все блаженствует
отдыхает в светлом покое

таком же радостно-безмятежном
как тот
что почувствовал юный
итальянский поэт
однажды
августовским утром
купаясь в теплых струях Изонцо

всего лишь сквозняк

писать серьезно
как писали поэты прошлого
можно только если веришь
в Бога Вселенную Человека
но если эта вера ушла
печаль ушла
надежда ушла
и ты ни о чем не тоскуешь
не сожалеешь
писать всерьез очень трудно

ты не в темноте
а на равнине залитой светом
видно все
любую подробность
и все так мелко
не за что уцепиться
того и гляди тебя сорвет
унесет в бездну

для этого нужен пустяк
не ураган не буря

легкий сквозняк

Хименесу

зеленый склон бегущий к воде
не угнаться за ним
тоске

иллюзия родины

Da wurde ich wach
Und alles war plötzlich verschwunden.
Joachim Ringelnatz

бывает опомнюсь
думаю
все это ложь

Лозанна
Швейцария
замки
горы

моя родина здесь
на берегу холодного моря

на краю огромной
Восточно-Европейской
равнины

где нет ничего
только степи леса поля
луга и болота

вместо гор невысокие дюны
вместо солнца тучи
и облака

вот мои замки
мои вершины

в Лозанне
я не бывал никогда
никогда

вселенная по соседству

вечером Пляс-де-ля-Рипон
выглядит жалко
нищие
роются в свалках
мусора
оставленных
блошиным рынком

над площадью
высится Палас де Рюмин
открытый
до десяти
чтобы любители книг
могли посетить
кантональную библиотеку
а туристы
осмотреть вестибюль
потолки лестницы
коридоры
взглянуть
через стеклянные двери
и стены
на экспонаты
зоологического музея
перенестись таким образом
в другую вселенную
смежную с той
в которой площадь

перед дворцом
заполняют мусор и нищие

вселенные эти сообщаются
между собой
можно как ни странно
перейти из одной
в другую
одолев двадцать четыре
ступеньки
широкой лестницы
и открыв
высокую дверь

немного решительности
и ты окажешься
в ином измерении

ночью
за бокалом
местного красного
Château des Crêtes
в это легко
поверить

прогулка на кладбище

от парка Денанту по изгибу
набережной Уши
и дальше
по улице Шампите
я взбирался на холм
где как уверял Гугл
расположено
кладбище
муниципалитета Пулли

по дороге присел отдохнуть
на скамью
у автобусной остановки
и увидел табличку
Chemin du Pont du Diable
(Улица Чертова
Моста)

вернувшись из путешествия
я узнал что мост находится
выше по течению мелкого
ручейка Вуашер и черт
конечно там никогда
не бывал

но тогда мне это название
показалось забавным
я сделал фото на память и

продолжил свой путь
свернув на
улицу Шамбланде

известную тем
что в начале прошлого века
здесь обнаружили
большое захоронение
времен неолита

об этом я тоже узнал позднее
а тогда просто спешил
добраться до кладбища
Cimetière de Pully

и минут через десять
я до него добрался

после чего долго бродил между
надгробий разыскивая
могилу Жана Мари
Люсьена Пьера
Ануя

автора «Антигоны» и
(что для меня
давнего любителя
театра абсурда важнее)
автора первой
благожелательной
рецензии (в Le Figaro)
на пьесу Беккета
En attendant Godot

салон-усыпальница

устав говорить с самим собой жить в одиночку
собираешь громадную библиотеку
открываешь у себя салон
куда приглашаешь каждого кто написал
хотя бы строчку

приходят все из любых стран и веков
приходят не задерживаясь только свистни
собеседники хоть куда
вечера удаются на славу чувствуешь себя
в центре литературной жизни

но бывает что гости вдруг умолкают
словно изумившись чему-то
все разом немеют
библиотека превращается в усыпальницу
где от каждой страницы
могильным холодом
веет

Дент-де-Жаман

взбираясь на Роше-де-Най
трамвайчик миновал
Дент-де-Жаман
зубец торчал словно
пирамида Хеопса
заброшенная сюда
кознями злого джинна
разлученная
с братьями сестрами
египетским небом
песками
потрескавшаяся
осыпавшаяся от печали

выглядела она вблизи жалко
не было в ней ничего
гордого
вечного
лишь морщины и выбоины
трещины
следы
преждевременной старости
и долгого сожаления

увидеть во сне

во снах я никогда не вижу Лозанну
и вообще ничего швейцарского
это странно
если я родился в Лозанне
а потом был насильно
перемещен
куда-то на север
я должен тосковать по
месту где вырос
и эта тоска должна проявляться
не только в грезах
мечтах
воспоминаниях
но и во снах
однако Швейцария мне не снится

сны меня посещают разные
приятно-спокойные и тревожные
но без привязки
к определенному месту
не понять
где все происходит
ничего примечательного
никаких ориентиров
зацепок
и это лишает меня
и без того слабой
уверенности

что жизнь моя прошла
именно так как я ее вспоминаю
но все-таки
я надеюсь увидеть
Лозанну Монтрё Женеву
или другой городок
Швейцарии
каждый раз когда засыпаю

проснуться в Лозанне

просыпаюсь утром в Лозанне
пью кофе
пишу читаю
и постепенно
с каждым часом
от нее удаляюсь
заканчивая день
в сотнях
тысячах километрах
от города
где чувствовал себя дома

ничего не поделаешь
говорю я себе
придется это расставание
переживать снова
и снова

так уж устроена твоя судьба

держись
пиши
не следи за часами

ночь пройдет
день настанет

ты проснешься
в Лозанне

там за океаном
песенка путешественника

там за океаном
ждет тебя Лозанна
даже если упадешь
на пути в Лозанну
до причала не дойдешь
или среди волн умрешь
все же как ни странно
попадешь в Лозанну

июль в Лозанне

июль в Лозанне выдался жарким
я проводил дни и ночи в парках
подальше от горячего асфальта
и сходящих с ума людей
устроив лежанку под деревом
на траве

но пользы от такого убежища
по правде
было немного
вблизи Женевского озера
окруженный зеленью
я все же не мог уснуть
днем бродил между деревьев
прячась от солнца
искал тень погуще
а ночью думал
об осенней прохладе
снежных вершинах
пил минералку
ел мороженое
и сочинял
«Альпийские хайку»
глядя на молодую луну

рай для сурков

горный трамвайчик
из двух вагонов
везет путешественников
на вершину
в Швейцарских Альпах

с обеих сторон
поднимаются скалы
лесистые склоны
иной раз открывается
вид на озеро

взрослые смотрят в окна
подростки уткнулись
в айфоны

день яркий солнечный
без облаков

шум в вагоне
усиливается
когда трамвайчик
проходит
через туннели

снаружи на вагончиках
нарисованы
смешные зверушки

с флажками шариками
покупками

и написано
«Рай для сурков»

с видом на горы

кости писателя
придумавшего Лолиту
зарыты
на берегу Женевского озера

рядом лежат кости
автора «Невесты ветра»
Оскара Кокошки

место
ничего не скажешь
прекрасное
на холме
с видом на горы

я позавидовал обоим
писателю и художнику
так
немножко

в том же городе

чтобы жизнь прошла не напрасно
мало родиться в Лозанне
и провести в ней детство
а если повезет
то юность и зрелость
и дожить до преклонных лет
нужно еще исхитриться
оказаться в правильном месте
в нужное время
то есть в этом городе умереть

граница

граница проведена
неизвестно кем и когда
требуется виза
выдают ее неизвестно где
случается иногда
ее вручает неизвестно что
точнее что угодно
крик чайки
могильная плита
мысль о снежных горах
или горном озере
звук альта
и тогда все меняется
пограничный
контроль снимается
расстояние отменяется
ты внезапно
переселяешься
перемещаешься
и что удивительно
это перемещение
не стоит тебе труда

ничего слишком

кто-то не будет
подниматься слишком высоко
над шпилями города
и не опустится слишком низко

кто-то будет писать стихи
с четкими гранями
прозрачные
ясные

иногда чуть-чуть затуманенные

словно кубики льда
для виски

ливень на Ратушной площади

кутайся в одеяла
прячься под тенты

дождь проникает
всюду

ползет в рукава
усаживается на колени

те кто рядом
разделены
сплошной
стеной звука

ливень
ливень

будто все готические
соборы неба
перевернулись
разом
башнями
и шпилями
вниз

IV

СКАЗКИ О СОЛНЕЧНОМ ГОРОДЕ

сказки о солнечном городе

я приютил у себя бродягу

он любит рассказывать
о солнечном городе

городе
на террасных холмах
что ни день заливаемых солнцем

городе
каждый полдень опускающемся
на дно жаркого моря

городе
с утра до вечера покоящемся
в тихом плеске праздного блеска

но бывает что разговорчивый
жилец умолкает
хандрит
забивается в темный угол

следом за ним
и солнце прячется
под горизонтом

упрямцев
не выманить никакими посулами

живешь будто в чистом поле
на осеннем ветру
обматываешься шарфом
заходишься в кашле
пьешь таблетки
меняешь верлибр
на рифмованный стих
слушаешь Брамса
перечитываешь Экклезиаста

признаки ранней зимы

по вечерам приходят друзья
вместе мы нижем строки
наши трубки
смешивают дымы
саке и риса в достатке
за беседой стихами
не замечаешь признаков
ранней зимы
не обращаешь внимание на
тучи идущие
из далекой страны
и не по сезону
обильные
удивляющие стариков
осадки

иллюзия сентября

холодной осенью
жизнь как будто
делается труднее
но это заблуждение
восприятия иллюзия
ведь все остается
по сути прежним
до снежной зимы
еще далеко и солнце
поднимается
высоко и листья
зеленеют
по-прежнему
учитывая эти факты
постараемся не
уйти в метафизику
будем верить
не чувству
а оракулу физиков
спиртовому
термометру
который
на самом деле
трезв как стекло
и ясно говорит что
печаль сентября
причин не имеет
ничто вовне

за нее не в ответе
она скорее
наше собственное
творение
и жизнь
с точки зрения
физиков
становится
в сентябре
не
труднее
а холоднее

заводь

Il tempo è *muto*
fra canneti immoti…
Giuseppe Ungaretti

мелкая заводь
вся в камышах

не хватает ветра
течения

камыши неподвижны

ни плеска
ни шелеста

солнце все там же
где и вчера

горизонт в дымке

личинки точат
лодку на берегу

небесная серна

Il me reste la nuit.
Jean Cocteau

ледяные обломки

торосы
в двадцать этажей

Большая Медведица
небесная серна

ночь
покрывшая
два полушария

сообщение
прервано

вопрос рыбаку

сумрак полудня
черная зелень
аллеи уходящие
в никуда

суетливые рыбы
когда-нибудь
покажут луне
белое брюхо

скажи рыбак
стоило ли труда

довольный путешественник

мысленно путешествуя
по городам
горам и озерам
Швейцарии
осматривая музеи
картинные галереи
дома и отели
где жили известные
писатели музыканты
кафе и рестораны
где они любили бывать
кладбища
где они похоронены
удивляясь
при мысли
что они касались
вот этих стен
поднимались
по этим ступенькам
смотрели в
эти самые окна
видели
те же самые горы
их линии
очертания
представляя так явно
долгое путешествие
по горно-озерной стране

я мысленно возвращаюсь
в свой город
в свой дом квартиру
загоревшим уставшим
с пачкой буклетов
открыток
билетов
гигабайтами фотографий
говорю себе «привет
как дела»
и слышу «привет турист
с возвращением
как же здорово
что можно
не вставая с кресла
посетить
все страны и города»

городской человек

рыбы и звери немы
а я могу говорить
и называть всех рыб
одним словом «рыбы»
и всех зверей
одним словом «звери»

я могу взбираться на горы
бродить по долинам
не видя
не ощущая
а только мысленно называя
«горы» «склоны» «долины»

мир слов изобилен
в нем есть
заснеженные вершины
леса и травы
любых климатических поясов
животные птицы рыбы
миллионы видов
хотя точно не знаю
может быть сотни тысяч
и много других чудесных вещей
и явлений

жить мыслью воображением
ничуть не хуже
чем бродить по миру
купаясь в озерах
взбираясь на горы
оглядывая мир с вышины
все это можно сделать
без рюкзака и посоха
мысленно
подбирая слова
ни визы ни деньги
ни палатка
ни походная обувь
для этого не нужны

путешествуя в мыслях
совсем не ощущаешь
границ квартиры
и города

вот только иногда
не хватает
головокружения
от высоты
и горного воздуха

что-то дельное

что из этого выйдет
ничего или что-то
из ничего выйдет
что-то или ничего
дельное всегда
выходит из ничего
а из чего-то ничего
дельного не выходит
поэтому откажись
от всего доверься
ничто и глядишь
перед тобой
окажется что-то

четверостишие

бьет хвостом рыба
неожиданный улов
рассыпается книга
на множество слов

осень начинается

дождь в начале
сентября
квартирмейстер
осенних дней
а ты живешь
в чистом поле
под пасмурным
небом
ничем не владея
и сам ничей

СТИХИ

хозяйка ушла
и собака все лает
и лает
вот и я
пишу стихи так
будто жду
когда же
хозяин придет

песнь о Лозанне

I peeringly view them…
Walt Whitman

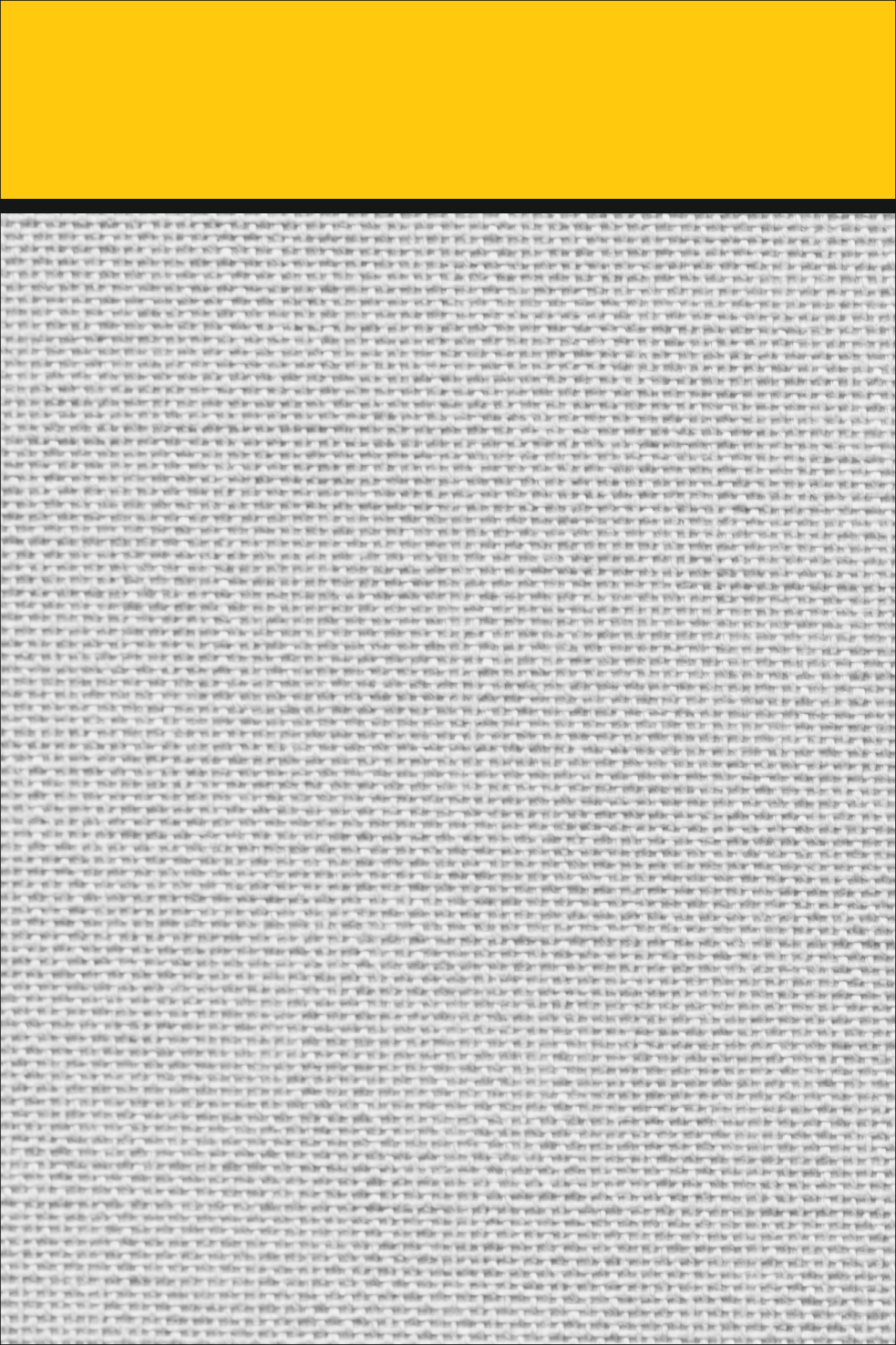
вместе с Тао Цинем
работаю в поле
вместе с Буковски
выезжаю с парковки
у ипподрома
вместе с Хемингуэем
целюсь в буйвола
или цесарку
вместе с Элюаром
сижу на скамье
в Люксембургском саду
рядом с каждым из
любимых писателей
и поэтов
невидим неслышим
как будто не существую
однако все вижу и слышу
все понимаю
и когда-нибудь
напишу книгу стихов
о Лозанне
и о себе

Книги
Дениса Береста

ОТШЕЛЬНИК И ЕГО СОБЕСЕДНИКИ

НЕВОЗМОЖНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

ГОРОДА

КВАРТЕТЫ